

УДК 398.221 (470.65)

ОБРАЗ АРТАУЗА В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ОСЕТИН

Таказов Ф.М., Кусаева З.К.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания (362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: fedar@mail.ru

Данная статья посвящена образу Артауза [Артъауыз] в религиозно-мифологических воззрениях осетин, выявлению его связи с архетипом Луны. На образ Артауза, занимающего заметное место в демонологии осетин, огромное влияние оказали христианство и мусульманство. Цель работы: на основе фактического материала проанализировать образ Луны в фольклоре осетин и определить ее значимость как демонического существа в религиозно-мифологических представлениях осетин. Лунарные мифы осетин представлены как космогоническими, так и этиологическими и эсхатологическими мифами. В ряду лунарных мифов образ Артауза отражает этиологические мифы. Проведенное исследование позволяет выявить семантику различных мифологем в образе Артауза. Анализ образа Артауза позволяет более полно представить системную реконструкцию религиозно-мифологических воззрений осетин. Результаты исследования могут быть применимы при изучении религиозно-мифологических воззрений, фольклора и этнографии осетин.

Ключевые слова: религиозно-мифологические воззрения, мифология, мифы, образ, луна, Артауз, демонология, демонические существа, мифологема, этимология.

IMAGE ARTAUZ IN RELIGIOUS AND MYTHOLOGICAL BELIEFS OSSETIANS

Takazov F.M., Kusaeva Z.K.

Department of V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (362040, Vladikavkaz, Mira avenue, 10), e-mail: fedar@mail.ru

This article focuses on the image Artauz [Art'awy] in religious and mythological views Ossetians identifying its connection with the archetype of the Moon. On the way Artauz, occupies a prominent place in the demonology of Ossetians had enormous influence Christianity and Islam. Objective: Based on the actual material to analyze the image of the moon in the folklore of the Ossetians and determine its significance as a demonic creature in the religious and mythological ideas Ossetians. Myths about the moon Ossetians are presented as cosmogony and etiological and eschatological myths. In a number of myths about the moon image Artauza reflects etiological myths. The study reveals the semantics of different mythologies in the image Artauz. Analysis of image Artauz makes better introduce systemic reconstruction of religious-mythological beliefs Ossetians. The research results can be applied in the study of religious and mythological beliefs, folklore and ethnography of the Ossetians.

Keywords: religious and mythological beliefs, mythology, myth, image, moon, Artauz, demonology, demonic creatures, etiology.

Особенности исторического развития осетинского народа оказали заметное воздействие на формирование его мировоззрения и способствовали возникновению целой мозаики религиозно-мифологических представлений. По своему происхождению и эволюции они имеют весьма сложную историю. Истоки этих представлений уходят корнями к скифской и даже еще более отдаленной – арийской и праиндоевропейской эпохе, что позволило многим исследователям находить параллели осетинских религиозно-мифологических воззрений с мифологией различных народов, география которых простирается от Китая до Исландии. Согласно мнению В.Б.Пфаффа, осетинские эпические сказания о нартах восходят своими корнями к греческой мифологии [6, 173]. В своих исследованиях по зороастризму («Скифский быт и реформа Зороастра», «Миф и история в

Гатах Зороастра» [1, 9-70]) В.И.Абаев обращает внимание на многие авестийско-осетинские параллели. Вместе с тем ученый заключает, что осетины, как аланы и скифы, остались чужды зороастризму: «...в религиозных понятиях осетин сохранилось кое-что древнеиранское и даже древнеиндоевропейское и ничего зороастрийского» [1, 104]. Этот факт указывает на более глубокую архаичность осетинской мифологии, нежели появление зороастрийского учения. Развивая данное положение, на основе систематизации исследованного материала и реконструкции религиозно-мифологической системы ираноязычных древних кочевников, А.А. Туаллагов рассматривает осетинскую мифологию как наследницу развитой общеарийской системы [9, 245].

«Эстафета» общеарийской религиозно-мифологической системы в начале I века н.э. переходит к аланам. С VI века, когда аланы образовали на Северном Кавказе государство, стали укрепляться союзнические отношения Алании с Византией. С целью сохранения и укрепления этих отношений Византия в начале X в. приступила к христианизации алан. «В результате миссионерской деятельности греков в 925 году аланы приняли христианство» [4, 102-122]. Этот факт дал повод В.И. Абаеву утверждать, что «десять веков христианства не могли пройти даром. На старые верования наложился мощный слой христианской терминологии и обрядности» [1, 104].

Новый этап распространения христианства относится к XVIII веку – к началу развития русско-осетинских отношений.

Без сомнения, христианство, равно как и мусульманская религия, с которой осетины познакомились довольно рано, не могло не повлиять на мифотворчество народа и эволюцию его религиозно-мифологической системы. Заметное воздействие на формирование осетинской мифологии оказала также мифология народов Кавказа.

На смену ираноязычных алан господствующее положение на Северном Кавказе стали занимать тюркоязычные народы: ногайцы, кумыки, крымские татары. После разгрома адыгскими народами (кабардинцами, черкесами, убыхами, абазинами и др.) крымскотатарского войска, кабардинцы, занимавшие Центральную часть северокавказского региона, стали доминирующей силой на большей части Северного Кавказа.

Разумеется, религиозно-мифологическая система осетин в своей основе сохранила иранскую и даже праиндоевропейскую традицию, но и кавказская традиция, как, впрочем, христианская и мусульманская, оставили заметный след в ее эволюции.

Одной из наиболее устойчивой в этнокультурной традиции осетин оказалась демонология. Большинство мифологических образов, олицетворяющих силы зла, восходят к ранним религиозно-мифологическим воззрениям. Однако и они под влиянием христианства,

а в большей степени Ислама, подверглись трансформации и в большинстве своем превратились в сказочные персонажи.

В целом, в системе религиозно-мифологических воззрений осетин демонология составляет моноцентрический комплекс представлений. Моноцентризм в данном случае не предполагает генетического единства разных элементов комплекса, но подразумевает синхронную группировку его вокруг одного образа. Свойство полноты и нарративная организация многих фрагментов комплекса проецируются на такие конституирующие характеристики текста, как целостность и связность, и позволяют говорить о существовании не просто типологического макрообраза, но и особого «текста демонических сил» в кавказской языковой и культурной традиции. Типологические мотивы представлены в трех базовых каналах трансляции этнокультурной информации – в языковом, фольклорном и обрядовом.

Несмотря на свою архаику, мифосистема находится в постоянном развитии в результате непрерывного мифотворчества народа. Но под влиянием канонических религий происходит резкий спад мифотворчества. В результате одни мифологические персонажи предаются забвению, другие закрепляются только в сказках, третьи переходят в низшую мифологию, превращаются в демонологических персонажей [8, 4].

Одним из таких демонологических персонажей, подвергшихся влиянию разных религиозно-мифологических систем, является Артауз /Артъауыз/.

Согласно легенде «Артауз и его создания», Бог сотворил четыре блага: главное из них – Артауз, другое – мужчина, следующее – овца, затем – пшеница. Вместе с мужчиной, овцой и пшеницей он, хотя впоследствии пожалел об этом, сотворил черта для каждого: для мужчины – женщину, для овцы – козу, для пшеницы – молодило.

Артауз был сотворен для благих целей, но вскоре он стал искушать людей на злодеяния. Тогда Бог велел Уацилла (громовержцу в осетинском пантеоне небожителей) забрать его к себе. Уацилла навел на небо тучи, ударил (молнией) и исполнил повеление Создателя. Артауза должны были связать и поместить внутри Луны, но он внезапно схватил двумя пригоршнями щебень, разбросал его и воскликнул: «Сколько здесь частиц, пусть во столько насекомых они превратятся, и пусть они останутся на земле во зло людям».

Тогда его пригвоздили железными гвоздями внутри Луны. А те частицы щебня превратились в бесполезных насекомых и гадов: змей и мух, жуков и птиц. Согласно поверью, если Артаузу удастся высвободиться, то он уничтожит людей. И для того, чтобы он не вырвался, каждый кузнец обязан был произвести лишний удар по наковальне [5, 37-38].

Данный сюжет представляет интерес своим синкретизмом. В нем смешались традиционные мифологические мотивы с христианскими. Миф об Артаузе В.И. Абаев

относит к Прометеевскому циклу, а само имя возводит к армянскому Артавазду: «сын царя Арташеса и аланской царицы принцессы Сатиник Артавазд стал героем армянских эпических сказаний прометеевского типа, один из вариантов которых приводит Моисей Хоренский: “...Арташес проклял его (Артавазда), сказав: «если ты поедешь на охоту на свободный Масис, тебя захватят каджи и света не увидишь более”. Старухи также рассказывают про него, что он, связанный железными цепями, заключен в какой-то пещере; что две собаки грызут беспрестанно его цепи и он силится выйти и положить конец миру; что от звука ударов кузнечных молотов снова, говорят, оковы укрепляются. Поэтому также и в наше время многие из кузнецов, следуя легенде, по воскресеньям ударяют трижды или четырежды (молотом) о наковальню, чтобы укрепились, как говорят, цепи Артавазда» [2, 71].

Этимологию имени Артавазда В.И.Абаев считает по происхождению иранским, однако, по его мнению, в осетинский язык оно вошло через грузинское посредство: “*Art'avazi*” ‘главный над чародеями’ (по Чубинову), или “*At'raozi*” ‘черт’, ‘колдун’ (по Беридзе) [2, 71].

Хотя к осетинскому имени “*Art'awyz*” (Артауз) ближе вариант Чубинова, однако по семантике вариант Беридзе полностью соответствует демонологическому образу Артауза. Учитывая же, что сочетание *tr* имеет тенденцию перехода в осетинском языке в *rt*, с большей вероятностью можно предположить заимствование из грузинского языка именно варианта “*At'raozi*”.

Вместе с тем необходимо отметить, что мотив приковывания к Луне Артауза не является единичным сюжетом. К Луне прикованы и другие чудовища.

Одним из таких чудовищ является Руймон – мифическое змеевидное существо, которое родилось от оленя. Когда самка оленя разрешится, она отбегает на далекое расстояние и смотрит на детеныша. Если он похож на нее, то возвращается к нему, если нет, то это Руймон, и она убегает. Руймон даже новорожденный, будучи еще слепым, вырывает деревья, грызет зубами землю. Чтобы спасти людей, Уацилла спускает с неба цепь, окруженную облаками, и спешит поднять его в небеса, пока тот не прозреет и не вырастит на все видимое пространство [3, 231].

За свои злодеяния Богом к Луне был прикован железными цепями и Самели – существо, поедающее Луну во время затмения, чудовище, враждебное роду людскому. Согласно мифам, сыновья Самели напали на Луну и начинали поедать ее. В результате таких нападений происходят лунные затмения. Согласно поверьям, если Самели вырвется на свободу, он уничтожит все живое на земле. Останутся только те фамилии, которые почитают его и которым он близок по происхождению.

Помимо чудовищ, согласно мифам, к Луне привязаны две громадные собаки на толстых железных цепях. Собаки эти постоянно норовят съесть Луну, чего не допускают сторожа, приставленные караулить их. Когда же сторожа утомляются и засыпают, то собаки срываются с цепей и начинают пожирать Луну и, если сторожей не разбудить вовремя, то люди могут лишиться навсегда чарующих прелестей Луны. Потому во время лунного затмения осетины кричали, били в медные тазы, стреляли из ружей, чтобы разбудить сторожей [7].

Безусловно, как Артауз и Самели, так и Руймон и собаки, отражают один и тот же мотив, обозначенный В.И.Абаевым как Прометеевский тип. Однако с Прометеевским типом их объединяет только метод лишения персонажа свободы – приковывание. В отличие от Прометея, выступающего в качестве культурного героя, Артауз не приносит, жертвуя собой, никаких благ людям, а, напротив, становится причиной многих неприятностей, которые стали преследовать людей с появлением насекомых и гадов. Но именно этот факт сближает его с христианским пониманием зла и роднит его с Сатаной. Сатана, как и Артауз, изначально был любим Богом, поскольку был создан для блага. Однако был отвержен Создателем за отступничество от своего истинного предназначения.

Религиозно-мифологические представления осетин, связанные с демоническими существами, во многом идентичны с христианскими и мусульманскими представлениями о злых духах. Вместе с тем образ Артауза связан и с традиционными лунарными мифами осетин. В осетинской мифологии наиболее близкий к Прометеевскому типу – герой Амран, прикованный железными цепями к скале в пещере. Несомненно, и пещера, и Луна – мифологемы, относящиеся к нижнему миру и имеющие отрицательное начало. Однако сами герои представляют собой персонажи совершенно разного типа. Амран, как и Прометей, культурный герой. Образ же Артауза, прикованного к Луне, относится к этиологическому сюжету, объясняющему происхождение лунных циклов, лунных пятен и т.д. И в этом плане образ Артауза тождествен образам Руймона и Самели, а сюжеты, связанные с ним, фактически являются вариантами мифов об этих отрицательных персонажах.

Характеризуя в целом образ Артауза, можно заключить следующее:

- в основе образа прослеживаются функции архетипа Луны, отражающие этиологические мифы;
- под влиянием армянских легенд об Арташесе мифологический образ осетинского персонажа получает свое имя (Артауз);
- в мотиве приковывания Артауза к Луне прослеживается типологический образ Прометеевского цикла;

- трансформация образа Артауза в демоническое существо происходит под влиянием христианских представлений о падшем ангеле.

Список литературы

1. Абаев В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958.
3. Ирон адæмон сфæлдыстад // Осетинское народное творчество / Сост. З.М. Салагаева. Т. II. Владикавказ, 2007 (*на осет. яз.*).
4. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
5. Осетинские легенды (Ирон таурæгътæ) / Сост. Джикаев Ш.Ф. Орджоникидзе, 1989 (*на осет. языке*).
6. Пфафф В.Б. Материалы для древней истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 4. Тифлис, 1870.
7. Таказов Ф.М. Луна в фольклоре осетин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 2; URL: <http://www.science-education.ru/108-8879> (дата обращения: 17.04.2013).
8. Таказов Ф.М. Очерки по демонологии народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2008.
9. Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ, 2001.

Рецензенты:

Гуриев Т.А., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела осетинского языкознания ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ;

Фидарова Р.Я., д.фил.н., главный научный сотрудник отдела фольклора и литературы ФГБУН Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.